ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 40 Пятница, 17 (30) октября 1902 г. № 40

Дѣти-поэты.

Чудо-дѣти, обладающія поэтическимъ даромъ, встрѣчаются довольно рѣдко. Но и въ области поэзіи извѣстны—правда, единичные—случаи, когда дѣти обнаруживаютъ удивительную духовную скороспѣлость.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ этой сферѣ былъ, напримѣръ, англійскій поэтъ Томасъ Чаттертонъ, родившійся какъ разъ полтораста лѣтъ тому назадъ (въ 1752 г.). Вообще, онъ былъ однимъ изъ удивительнѣйшихъ людей. Интересенъ даже его первый дебютъ: онъ выступилъ съ литературной поддѣлкой. Въ восемнадцатомъ столѣтіи царили, данные французами, какъ образецъ, длинные, искусственные скучные періоды; въ этой-то формѣ Чаттертонъ сталъ писать свои, блещущія свѣжестью мысли и естественностью произведенія, подъ именемъ имъ же выдуманнаго поэта Роули, жившаго якобы въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Британскій музей въ Лондонѣ хранитъ до сихъ поръ подъ именемъ „желтаго свитка" главнѣйшее изъ произведеній Чаттертона. Этотъ юный поэтъ былъ клеркомъ у одного бристольскаго нотаріуса и, принявшись на одиннадцатомъ году жизни за изученіе исторіи и



Бурскіе генералы въ Берлинѣ.—Бота, Деветъ и Деларей въ „Союзѣ берлинскихъ женщинъ".

Бурскіе генералы въ Берлинѣ.—На балконѣ гостинницы.

археологіи, онъ былъ въ состояніи съ такою виртуозностью создать столь законченное подражаніе средневѣковымъ манускриптамъ; объявивъ объ этомъ, онъ вызвалъ радостное изумленіе своихъ современниковъ, которые, повидимому, безъ этого никогда бы не знали про бѣднаго, неизвѣстнаго бристольскаго писца.

Томасъ Чаттертонъ родился послѣ смерти своего отца, бѣднаго школьнаго учителя въ Бристолѣ. Въ школѣ для бѣдныхъ онъ до одиннадцатилѣтняго возраста обнаруживалъ удивительный недостатокъ умственныхъ способностей, отличаясь тупостью и лѣнью. Тѣмъ не менѣе на шестнадцатомъ году жизни (въ 1768 году) онъ напечаталъ въ одной бристольской еженедѣльной газетѣ, за подписью „Dunhelmus Bristoliensis" на староанглійскомъ языкѣ, описаніе освященія моста въ Бристолѣ въ 1728 г.: это описаніе обратило на себя вниманіе всего ученаго міра. Чаттертонъ утверждалъ, что онъ взялъ это описаніе изъ одной старой рукописи и даже раздавалъ на память отдѣльные листки этой рукописи любителямъ древностей, за что тѣ дарили ему книги и деньги и знакомили съ извѣстными учеными. Насколько геніальны творенія Чаттертона, написанныя имъ въ духѣ XV вѣка, настолько же посредственны его сочиненія, написанныя на современномъ англійскомъ языкѣ. Возникаетъ даже сомнѣніе, дѣйствительно ли поддѣлки принадлежатъ его перу, хотя это, кажется, точно установлено. Кромѣ этого, онъ еще на двѣнадцатомъ году написалъ сатиру на одного методиста, который изъ своекорыстія оставилъ свое общество. Во всякомъ случаѣ, Томасъ Чаттертонъ былъ геніальнымъ мальчикомъ, и его ранняя кончина (онъ покончилъ съ собой) достойна сожалѣнія. Она послужила темой для нѣсколькихъ поэтическихъ произведеній. Альфредъ де-Виньи создалъ изъ нея драму, а Александръ Вюхнеръ сдѣлалъ Чаттертона героемъ новеллы.

Не менѣе удивительнымъ ребенкомъ-поэтессою была русская нѣмка Елизавета Кульманъ. Она была родомъ изъ семьи, переселившейся изъ Эльзаса въ Россію, и родилась въ Петербургѣ 5 іюля 1808 г. Прославилась она не только своимъ рано проснувшимся поэтическимъ дарованіемъ, но и огромною способностью къ языкамъ. Она сочиняла стихи на русскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ, переводила съ греческаго (Анакреонъ) и итальянскаго (Альфіери) на русскій, съ русскаго (Озеровъ) на нѣмецкій, а также перевела съ восточныхъ языковъ на европейскіе нѣсколько сказокъ. Въ старыхъ нѣмецкихъ хрестоматіяхъ и сборникахъ стихотвореній можно нерѣдко встрѣтить оригинальные нѣмецкіе стихи этой юной писательницы, которую удостоили своимъ знакомствомъ Гете, Жанъ Поль и другіе знаменитые современники. Она скончалась въ Петербургѣ 19 ноября 1825 года, семнадцати лѣтъ отъ роду. На ея могилѣ на средства Императрицы Александры Ѳеодоровны и Великой Княгини Елены Павловны былъ поставленъ прелестный памятникъ изъ каррарскаго мрамора. Ея произведенія, о собраніи коихъ послѣ ея смерти позаботилась россійская академія наукъ, выдержали нѣсколько изданій не только въ Россіи, но и въ Германіи.

Елизавета Кульманъ стала тѣмъ, чѣмъ она была, благодаря, такъ сказать, нуждѣ, въ которую впало ея семейство. Ея отецъ, бывшій офицеръ русской службы, умеръ молодымъ, и его семья стала бѣдствовать. Подъ вліяніемъ матери нѣмки, и подъ ея руководствомъ, стали удивительно быстро развиваться способности и дарованія Елизаветы, въ особенности усвоеніе языковъ. Уже на шестомъ году она хорошо говорила и читала по-русски и по-нѣмецки. Но на пятнадцатомъ году



Во французской палатѣ депутатовъ.
Министръ-президентъ Комбъ на трибунѣ.

жизни она знала уже одиннадцать языковъ, между ними латинскій и греческій. Восемью языками она владѣла настолько свободно, что могла безукоризненно на нихъ изъясняться и писать. Кромѣ того, она прекрасно рисовала, была хорошей музыкантшей и обладала обширными знаніями въ математикѣ и естественныхъ наукахъ.

Съ небольшимъ десять лѣтъ тому назадъ возбуждалъ большое къ себѣ вниманіе въ литературныхъ кружкахъ чудо-ребенокъ, Юлія Газденъ, румынская поэтесса, писавшая на французскомъ языкѣ. Она была дочерью румынскаго филолога и историка литературы Петрическо Газдена, родилась 2 ноября 1869 года въ Бухарестѣ и умерла 17 ноября 1888 года. Въ возрастѣ 9 лѣтъ она написала сатиру на своего учителя, а одиннадцати лѣтъ сочиняла уже драмы и комедіи. Когда она окончила гимназію св. Саввы и получила первую награду въ консерваторіи въ Бухарестѣ, отецъ отвезъ ее въ Парижъ, гдѣ она съ успѣхомъ занималась въ Collège Sevigné, а затѣмъ поступила въ Сорбонну, блестяще выдержавъ вступительный экзаменъ. Здѣсь она стала заниматься философіей. Въ апрѣлѣ 1888 года она должна была подвергнуться испытаніямъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ годъ получить докторскую степень. Но въ началѣ этого именно года у ней появились признаки чахотки; родители отвезли свою единственную дочь на родину, гдѣ Юлія Газденъ и скончалась. Юлія Газденъ писала на французскомъ языкѣ; только одну новеллу „Зında" она написала по-румынски. Ея перу принадлежитъ одинъ томъ прозаическихъ сочиненій и драматическихъ набросковъ и 2 тома стихотвореній, но написала она гораздо больше: 3 тома содержатъ только главнѣйшія ея произведенія. Если бы напечатать все то, что она написала, то составилось бы 6 томовъ. Такая плодовитость тѣмъ болѣе удивительна, что молодая румынка въ то же время весьма усердно занималась науками и искусствомъ.



Зрѣніе и чутье у почтовыхъ голубей.

Голубиная почта очень замѣтно привилась въ нашемъ быту; ею пользуются военные для спеціальныхъ цѣлей, моряки, купцы и, наконецъ, ученые, занятые наблюденіями надъ жизнью этихъ красивыхъ и ласковыхъ къ людямъ птицъ. Поэтому, мы считаемъ нелишнимъ ознакомить читателя съ однимъ изъ главныхъ вопросовъ, возбуждающихъ споры среди орнитологовъ и любителей голубинаго спорта: чѣмъ руководятся голуби во время полета?

Голубиная почта была извѣстна еще древнимъ грекамъ и римлянамъ. Ніонъ повѣствуетъ о томъ, что Тауростенъ изъ Эгины, побѣдитель на Олимпійскихъ играхъ, далъ знать о своемъ торжествѣ отцу, жившему на родинѣ, еще въ тотъ же день: онъ захватилъ съ собою изъ Эгины голубку, птенцы которой сидѣли еще въ гнѣздѣ; побѣдивъ, онъ привязалъ ей красный лоскутокъ и выпустилъ.—Плиній старшій указываетъ на аналогичный фактъ. Когда Антоній осадилъ Децима Брута въ Мутинѣ, осажденный посылалъ голубей съ письмами въ лагерь консуловъ. „Что могъ подѣлать Антоній съ летучимъ гонцомъ?".

Можно было бы предположить, что почтовые голуби одарены чутьемъ, которое влечетъ ихъ къ родинѣ, какъ это мы наблюдаемъ у многихъ животныхъ, начиная медвѣдемъ и кончая пчелой. Олень находитъ дорогу даже по глубокому снѣгу и безошибочно угадываетъ, ростетъ подъ нимъ мохъ или нѣтъ. Точно также упряжныя собаки въ Сибири и Сѣверной Америкѣ легко распознаютъ жилье, даже занесенную снѣгомъ юрту. Въ особенности сильно развито чутье у лошадей. Одинъ зоологъ сообщаетъ, напримѣръ, о такомъ случаѣ: мельникъ продалъ лошадь, которая работала на мельницѣ, отстоявшей отъ большой дороги шагахъ въ трехстахъ. Конь вскорѣ ослѣпъ. Но всякій разъ, когда онъ ровнялся съ мельницей, онъ старался свернуть къ ней съ дороги, чтобы подвезти новаго хозяина къ своей старой конюшнѣ. Такое явленіе нельзя объяснить слухомъ лошади, привлеченной шумомъ мельничной работы, потому что лошадь не пропускала мельницы и въ воскресенье, когда никакого шума не было. Слѣдовательно, не слухомъ, а чутьемъ, можетъ быть, запахомъ мучной пыли, руководился конь.

Относительно чутья почтовыхъ голубей и вообще птицъ, естествоиспытатель Перти говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Представляется загадочнымъ то обстоятельство, что голуби, вывезенные съ родины въ закрытыхъ ящикахъ и выпущенные гдѣ-нибудь очень далеко отъ нея, находили обратно путь и возвращались въ свои гнѣзда. 28 іюля 1851 г., въ половинѣ пятаго утра, выпустили въ Сарагосѣ, 17 голубей, доставленныхъ изъ Лютиха один изъ нихъ прилетѣлъ въ Лютихъ на слѣдующій день, въ 6 часовъ вечера, 23 прибыли нѣсколько позже, остальные пропали".

У первобытныхъ народовъ мы находимъ такую же способность оріентироваться, какъ и у животныхъ. Путешественники по Африкѣ нерѣдко выражали удивленіе по поводу того, что негры безъ помощи компаса угадываютъ самые короткіе пути среди непроходимой, повидимому, чащи. Одинъ путешественникъ разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ: вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, португальцемъ, онъ заблудился въ лѣсу и, несмотря на всѣ усилія не могъ угадать дороги къ тому мѣсту, гдѣ они оставили свой челнокъ. Межъ тѣмъ десятилѣтній негритенокъ, случайно приставшій къ нимъ и все время забавлявшійся стрѣльбой изъ лука, безъ труда указалъ имъ вѣрное направленіе. Въ немъ, повидимому, говорилъ инстинктъ. Цыгане, кочующіе по Европѣ, не утратили еще такого чутья и всегда умѣютъ оріентироваться въ незнакомой мѣстности.

Можно было бы предположить на основаніи этихъ данныхъ, что и почтовые голуби надѣлены такимъ же чутьемъ. Но

два соображенія говорятъ противъ этого: прежде всего въ природѣ очень ясно проявляется принципъ бережливости; такъ, напримѣръ, рогатыя животныя не отличаются развитіемъ клыковъ; при хорошемъ бѣгѣ животное не надѣлено способностью ни лазить, ни плавать, ни летать; и наоборотъ, нельзя объяснить случайностью то обстоятельство, что страусъ не умѣетъ летать, а орелъ бѣгать. Подобныя явленія вполнѣ типичны для міра животныхъ, и потому нѣтъ основанія думать, что голуби, обладающіе превосходнымъ зрѣніемъ, имѣютъ, кромѣ того, и сильно развитое чутье.

Второе соображеніе—практическаго характера. Если животное обладаетъ чутьемъ, то темнота, облачность и малое знакомство съ мѣстностью не имѣютъ для него особаго значенія. Съ голубями дѣло обстоитъ иначе: въ туманную погоду они проявляютъ нерѣшительность въ выборѣ направленія, потому-то при обученіи ихъ начинаютъ съ очень небольшихъ разстояній; будь у голубей чутье, такой пріемъ былъ бы безполезенъ.

Возвращаясь еще разъ къ первому основанію, надо замѣтить, что люди, обезьяны, птицы и рысь не отличаются тонкимъ чутьемъ, зато обладаютъ хорошимъ зрѣніемъ; напротивъ, слонъ, лошадь, собака, медвѣдь, лиса и олень дурно видятъ, но отличаются тонкимъ чутьемъ. До сихъ поръ удалось констатировать близорукость среди животныхъ только у зайца, пуделя, медвѣдя и, пожалуй, у лошади, хотя у послѣдней оно не играетъ роли (поэтому, между прочимъ, такъ легко по недосмотру купить слѣпую лошадь). Пугливость лошадей объясняется именно плохимъ зрѣніемъ.

Охотничьи собаки, надѣленныя такимъ тонкимъ чутьемъ, очень часто упускаютъ звѣря и бѣгутъ мимо, не замѣтивъ его, и только потянувшій въ другую сторону вѣтеръ заставляетъ ихъ повернуть вспять. Въ извѣстномъ отношеніи, значитъ, охотникъ и его собака дополняютъ другъ друга. Интересно также отмѣтить то обстоятельство, что вороны руководятся исключительно зрѣніемъ. Какъ извѣстно, ворона любитъ сидѣть на вышкахъ, на крестахъ, на верхушкахъ деревьевъ и т. п.; оттуда она видитъ, какъ на ладони, значительное пространство, и если она замѣчаетъ, что другая ворона, оставивъ свой наблюдательный постъ, стремительно несется внизъ, то изъ этого она заключаетъ, что ея товарка примѣтила какую-нибудь наживу и сама спѣшитъ ей вслѣдъ. Этимъ и объясняется, почему вороны собираются въ большомъ количествѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ валяется какая-нибудь падаль или трупъ. Но никто еще не замѣчалъ, чтобы вороны разметывали бы землю въ поискахъ за добычей; имъ никогда не принадлежитъ честь первой находки, тогда какъ лисицы безошибочно угадываютъ трупъ въ землѣ, хотя бы покрытой снѣгомъ, и своимъ чутьемъ помогаютъ иногда раскрытію преступленія.

Проф. Маршаль защищаетъ высказанное выше положеніе. Онъ говоритъ, что у всѣхъ вообще птицъ обонятельный органъ слабо развитъ, и его дѣятельность зачастую ничтожна. На то есть много причинъ. Птицѣ опредѣлено жить въ воздушныхъ сферахъ, а не быть прикрѣпленной къ землѣ; ей приходится озирать большія пространства съ такой вышины, куда доходятъ цвѣтные лучи, но не частицы пахучихъ тѣлъ: свѣтъ распространяется съ эфиромъ, равномѣрно во всѣхъ направленіяхъ, а запахъ, какъ выдѣленіе матеріальныхъ частицъ извѣстнаго вещества, имѣетъ вѣсъ и тяготитъ къ землѣ. Съ другой стороны, интересно сопоставить со сказаннымъ и то, что птицы въ поискахъ за пищей развиваютъ значительную быстроту полета и должны побѣждать сопротивленіе воздуха и его встрѣчныхъ теченій: такимъ образомъ, пахнущее вещество не успѣваетъ, такъ сказать, воздѣйствовать на обонянія птицы; запахъ относится вѣтромъ въ сторону и назадъ. Вотъ почему органъ обонянія у птицъ и не могъ развиться въ значительной степени. Денныя птицы руководятся, главнымъ образомъ, зрѣніемъ; на второмъ мѣстѣ стоитъ у нихъ слухъ; у ночныхъ, наоборотъ; и чѣмъ дольше ночная жизнь птицы, тѣмъ слухъ у нея тоньше, такъ что между различными породами совы можно установить цѣлую лѣстницу постепенныхъ степеней слуховой способности.



Александръ Белль,
піонеръ телефонной практики.

Двадцать пять лѣтъ миновало на-дняхъ съ того времени, какъ Александръ Белль, преподаватель въ школѣ для глухонѣмыхъ въ Бостонѣ, приступилъ къ организаціи телефоннаго дѣла.

У животныхъ съ тонкимъ чутьемъ носы обыкновенно мокры; это облегчаетъ имъ обнюхиваніе земли; напротивъ, у птицъ носовыя отверстія невелики и сухи. Поэтому, птицъ трудно привлечь однимъ запахомъ, какъ заманиваютъ, напр., лисицъ, волковъ и др. Птицы любятъ описывать круги, прежде чѣмъ сядутъ на то мѣсто, гдѣ ихъ что-нибудь привлекаетъ. Животное съ чутьемъ идетъ прямо къ добычѣ. Муравью и змѣѣ, пресмыкающейся въ травѣ, среди кустарника, зрѣніе такъ же мало полезно, какъ и человѣку, попавшему въ глухую чащу, когда кругомъ ни малѣйшаго просвѣта.

Тутъ чутье важнѣе зрѣнія, такъ же, какъ во тьмѣ—болѣе нужно ухо, чѣмъ глазъ. Но тамъ, гдѣ животное можетъ озирать даль съ высоты, органъ зрѣнія весьма важенъ; и для птицы тьма, дождь и туманъ—очень существенныя препятствія. Руссъ, напримѣръ, пишетъ слѣдующее: „Въ ненастную погоду, въ туманъ, сильный дождь или снѣгъ, голуби проявляютъ такую же неувѣренность, какъ и при полетѣ въ незнакомой мѣстности. Они долго кружатся, прежде чѣмъ изберутъ направленіе. И возвращеніе на прежнее мѣсто имъ такъ затруднено непогодой, что очень немногіе справляются со своей задачей“.

Одинъ изъ извѣстныхъ спеціалистовъ голубинаго спорта Роденбахъ наблюдалъ слѣпого, т. е. ослѣпленнаго для этой цѣли, голубя: его выпустили на двѣнадцатиминутномъ разстояніи отъ голубятни, но онъ не могъ найти дороги. Такіе результаты наблюдались при снѣгѣ или туманѣ; лучшіе голуби возвращались очень медленно, или вовсе не возвращались. Изъ пяти хорошо обученныхъ старыхъ голубей, выпущенныхъ темной ночью, при сѣверномъ вѣтрѣ, въ одномъ километрѣ отъ голубятни, четыре вернулись только на слѣдующее утро; одинъ пропалъ.

Упомянемъ въ заключеніи объ опытахъ съ голубями, продѣланныхъ аэронавтами. Германское орнитологическое общество задалось цѣлью изслѣдовать полетъ голубей въ высшихъ атмосферныхъ слояхъ: для этого голуби были взяты воздухоплавателями и выпущены на высотѣ 900—3,000 метровъ. Если воздухъ былъ прозраченъ, голуби стрѣлой неслись внизъ; когда же облака окутывали землю, голуби болѣе или менѣе долгое время носились вокругъ шара и выжидали, пока покажется просвѣтъ. Кромѣ того, сдѣлали еще такой опытъ: въ облачное утро выпустили голубей на разстояніи 50 километровъ отъ станціи одинъ вернулся черезъ три часа, другой—часомъ позже, остальные только вечеромъ. Ту же дистанцію при ясной погодѣ голуби пролетѣли въ сорокъ пять минутъ.

Итакъ, есть полное основаніе утверждать, что почтовые голуби руководятся ничѣмъ инымъ, какъ только зрѣніемъ.



Родина цыганъ.

Вѣчно бродячіе, бездомные и почти неспособные къ ассимиляціи, цыгане сохраняютъ вотъ уже много вѣковъ характерныя черты своего быта и сплоченность, несмотря на ничтожную, казалось бы, связь между отдѣльными группами ихъ. Издавна они возбуждали въ Европѣ недружелюбныя чувства; часто подвергались тяжкимъ гоненіямъ, но не вымерли. Откуда они родомъ? Гдѣ первоначально жили и какимъ путемъ пришли къ намъ?

Цыгане, трансильванскіе и венгерскіе, называютъ себя „ромъ“ или „ман шъ“, т. е. человѣкъ или мужчина. Только на востокѣ Европы и въ Италіи ихъ знаютъ подъ именемъ цыганъ; на западѣ ихъ зовутъ иначе. Филологи производятъ слово „цыганъ“ отъ „Цеуганита“ (провинція въ Тунисѣ), отъ „Зингара“ города Мессопотаміи, жители котораго были изгнаны императоромъ Іуліаномъ; отъ „ацинганъ“ племени, обитавшаго нѣкогда Малую Азію и т. п. Но эти предположенія имѣютъ подъ собой мало почвы. Въ Испаніи и Португаліи цыгане называются „гитана“, слово, производимое отъ древняго „египтяно“ (египтянинъ).

Дѣйствительно, появившись въ центральной Европѣ въ началѣ XV вѣка, цыгане выдавали себя за графовъ, герцоговъ и королей *Малаго Египта*. Имъ вѣрили и въ иныхъ мѣстахъ воздавались соотвѣтственныя почести. Сохранились записи въ старинныхъ книгахъ Франкфурта и др. городовъ о расходахъ, произведенныхъ на угощеніе „малоегиптянъ“; уцѣлѣли надгробные памятники, воздвигнутые мнимымъ вельможамъ-эмигрантамъ, что же касается причинъ, побудившихъ ихъ покинуть родину, то о нихъ цыгане разсказывали разно. Одни распространялись о семилѣтней эпитеміи, наложенной на нихъ зато, что они отвергли Сына Божьяго, когда Ему грозили преслѣдованія Ирода; другіе, напримѣръ, Андрей, герцогъ Египетскій, явившійся со своей ордой въ Болоньи, въ 1422 году, о томъ, что они отпали отъ христіанской религіи, и зато были осуждены королемъ венгерскимъ Сигизмундомъ на изгнаніе. „Герцогъ“ раскаялся въ прегрѣшеніи, и на него возложили тяжкое испытаніе: съ четырьмя тысячами соплеменниковъ онъ осужденъ былъ къ семилѣтнему скитанію по городамъ и весямъ; только тогда, когда папа даруетъ имъ

прощеніе, изгнанники получатъ право вернуться на родину.

Въ настоящее время, однако, всѣ эти вымыслы опровергнуты достаточно солидными научными данными. Во-первыхъ, Египетъ никогда не зналъ дѣленія на Малый и Великій; во-вторыхъ, филологи пришли къ несомнѣнному убѣжденію, что въ цыганскомъ языкѣ нѣтъ ни одного египетскаго слова, и это необъяснимо ничѣмъ, разъ цыгане провели бы много лѣтъ въ долинѣ Нила. Но именно языковѣды и установили, путемъ сравнительнаго метода, что въ Богемію цыгане пришли изъ Венгріи, въ Венгрію изъ Румыніи, въ Румынію изъ Болгаріи, а первоисточникъ ихъ имени—средне-греческое нарѣчіе. Очевидно, изъ Греціи они проникли въ центральную сѣверную Европу, а на Балканскомъ полуостровѣ жили долгое время: въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ въ цыганскомъ языкѣ сохранились чисто-греческія обозначенія для числительныхъ семи и восьми и словъ: улица и дорога. Помимо того, есть и историческія доказательства: еще въ 1398 г. венеціанскій намѣстникъ греческой колоніи въ Наупліонѣ, подобно многимъ своимъ предшественникамъ, освободилъ цыганъ отъ извѣстныхъ пошлинъ и податей. Во второй половинѣ XV вѣка нѣмецкіе путешественники разсказывали о цыганскихъ таборахъ въ 200—300 кибитокъ, встрѣченныхъ ими въ Греціи. Наконецъ, сохранились развалины, которыя слывутъ подъ именемъ „цыганскихъ городовъ“.

Но языковѣдѣніе оказало еще большія услуги этнографіи и прослѣдило родословную цыганъ въ глубь вѣковъ. Такъ, найдены были слѣды армянскаго и персидскаго языковъ въ цыганскомъ. Малая Азія и Персія должны были быть промежуточными этапами въ странствіяхъ цыганъ. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что находитъ откликъ въ легендахъ. Персидскій этикъ Фирджи, жившій 1,000 лѣтъ по Р. Х., говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній: „Шахъ-нама“, о подаркѣ, сдѣланномъ индійскимъ княземъ Шанкалъ Камохъ персидскому царю Байрамъ-Гуру (около 420 г.): именно 10,000 „лури“, такъ и нынѣ называютъ въ Персіи цыганъ, для увеселенія подданныхъ царя музыкой. Каждому „лури“ было подарено по ослу и коровѣ и даны сѣмена для посѣва. Но, повидимому, цыгане не оказались достаточно благодарными, и тотъ же Байрамъ-Гуръ изгналъ ихъ изъ Персіи. „Лури, — повѣствуетъ Фирджи, — странствуютъ по всему свѣту, не находя себѣ занятія, дружатъ съ псами и волками и промышляютъ грабежомъ на большой дорогѣ“. Очевидно, бытъ цыганъ съ тѣхъ поръ очень мало измѣнился.

Удалось установить и то важное обстоятельство, что цыганская рѣчь имѣетъ сродство съ однимъ изъ арійскихъ языковъ, притомъ наиболѣе литературнымъ индійскимъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Индіи открыты нарѣчія, чрезвычайно схожія съ цыганскимъ, по многимъ весьма характернымъ особенностямъ. Въ Гиндуку, Кафиристанѣ, Дардистанѣ, Кашмирѣ живутъ племена Дарду, явно родственныя цыганамъ. По всѣмъ этимъ признакамъ надо заключить, что пунктомъ отправленія цыганамъ послужила Индія. Когда именно началось ихъ всемірное путешествіе, точно опредѣлить нельзя, но по многимъ признакамъ ученые пріурочиваютъ это событіе къ первымъ столѣтіямъ нашей эры.

По Европѣ цыгане распространились очень быстро: въ 1415 г. они большими ордами появились въ Венгріи, Трансильваніи; двумя годами позже — въ городахъ Ганзейскаго союза, у Сѣвернаго и Восточнаго морей; въ 1422 г. въ Сѣверной Италіи; оттуда въ 1447 г. потянулись во Францію и Испанію. Въ польскихъ лѣтописяхъ они впервые упоминаются подъ 1501 годомъ. Изъ Польши цыгане проникли и въ Россію. Въ 1536 году датскій король Христіанъ повелѣлъ цыганамъ очистить страну въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Почти въ то же время въ Англіи было воздвигнуто на нихъ гоненіе Генрихомъ VIII.

Родословная папы.

Въ провинціи Бергенѣ по сію пору не мало лицъ, которыя числятся въ близкомъ или дальнемъ родствѣ съ римскимъ первосвященникомъ. Наиболѣе близкіе носятъ имя Печчи; за ними—Салинета и Лолли. Въ этихъ семьяхъ можно найти письма Льва XIII за пятидесятые и шестидесятые годы минувшаго столѣтія. Они собраны въ одной книгѣ и изданы Бойэ д'Аженъ; книга снабжена удачными иллюстраціями. Тамъ же, между прочимъ, и видъ съмѣстечка Карпинето, откуда родомъ нынѣшній папа. Скромное, вѣрнѣе глухое поселеніе! Едва-ли меньше 3—4 тысячъ жителей, но почти всѣ заняты торговлей: винной, овощной, торгуютъ масломъ, скотомъ и обрабатываютъ землю. Небогаты въ общемъ люди. Самымъ состоятельнымъ изъ нихъ считается племянникъ папы—графъ Людовико Печчи. Онъ живетъ въ томъ домѣ, въ которомъ родился Левъ XIII. Отсюда послано было ему много писемъ—



25-ая годовщина боя подъ Горнимъ Дубнякомъ. — Турецкій редутъ въ Горнемъ Дубнякѣ послѣ взятія его русскими.

еще тогда, когда онъ занималъ скромный постъ папскаго делегата въ Беневенто. Печчи не принадлежали къ аристократіи духовенства. Ихъ матеріальныя обстоятельства были не важныя. И потому надежды всей семьи сосредоточились на Гивачино, который въ 28 лѣтъ сдѣлался делегатомъ. Весною 1838 г. онъ тяжко занемогъ; больной пожелалъ составить завѣщаніе; оно хранится теперь въ фамильномъ архивѣ въ Карпинето. Братъ будущаго папы, Карло, въ письмѣ къ дядѣ, жившему въ Римѣ, горько сѣтуетъ на большіе расходы, вызванные болѣзнью Гивачино. „Онъ достоинъ того, чтобы всѣ члены семейства сдѣлали все возможное для него. Того требуетъ и нашъ прямой долгъ, и выдающіяся качества нашего больного“. А Гивачино самъ Когда, напримѣръ, близокъ былъ день праздника тѣла Христова въ 1838 г., Печчи нашелъ необходимымъ подыскать болѣе красивыхъ лошадей для своей коляски; онъ написалъ по этому поводу брату своему Іоганну Бантоету: „Быть мнѣ рыцаремъ печальнаго образа!“ Повидимому, жители Беневенто, придавали великое значеніе внѣшнему блеску. Делегатъ поручилъ покупку лошадей въ Карпинето названному выше брату, но не переставалъ безпокоиться. „Я бы хотѣлъ,—писалъ онъ,—чтобы лошади бѣгали съ быстротой молніи. Считаю дни до ихъ прибытія; мнѣ надоѣло держать наемныхъ. Онѣ причиняютъ мнѣ хлопоты, а между тѣмъ делегатъ не долженъ ходить пѣшкомъ. Я принужденъ по цѣлымъ днямъ сидѣть дома, и это

25-ая годовщина боя подъ Горнимъ Дубнякомъ.

1) Турецкіе плѣнные подъ Горнимъ Дубнякомъ. 2) Допросъ турецкихъ шпіоновъ. 3) Хивзи-паша послѣ взятія Горняго Дубняка. 4) Редутъ Горняго Дубняка, 20-го октября 1877 года. 5) Поле битвы при Горнемъ Дубнякѣ. 6) Деревня Горній Дубнякъ. 7) Малый редутъ и могилы павшихъ при Горнемъ Дубнякѣ. 8) Комендантское управленіе гвардейскаго корпуса.

Съ фотографій и набросковъ, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

писалъ дядѣ Антонію: „Врачи хотѣли уже отказаться отъ меня. По правдѣ говоря, я стоялъ на краю жизни и у вратъ вѣчности. Но Господь, нашъ Повелитель, въ своемъ милосердіи не допустилъ открыться вратамъ. Да будетъ благословенъ Онъ. Молилась за меня Божья Матерь. Чудомъ былъ я спасенъ“. Письмо заканчивается просьбой о деньгахъ, такъ какъ болѣзнь поглотила ихъ очень много. Одинъ только д-ръ Фульнсъ, неаполитанскій придворный врачъ, получилъ двѣсти слишнимъ дукатовъ за два визита.

Въ Беневенто Печчи не многое могъ сдѣлать для населенія. Отчасти оно объяснялось мѣстными условіями: папа Григорій XVI предполагалъ уступить эту область неаполитанскому королевству; отчасти же денежными средствами делегата, стѣсненнаго въ представительствѣ невыгодно отражается на моемъ здоровьи“.

Судя по письмамъ, домъ въ Карпинето отличался простотой, уютностью и патріархальностью. Самое зданіе мало-помалу приходило въ упадокъ. Но съ тѣхъ поръ какъ Гіачино сталъ Львомъ XIII, онъ не жалѣетъ денегъ на ремонтъ дома; пристроилъ еще одинъ этажъ. Зная пристрастіе своего племянника Людовика къ метеорологіи, онъ выстроилъ ему маленькую обсерваторію. И латинская надпись на одной изъ стѣнъ свидѣтельствуетъ о признательности метеоролога своему святѣйшему дядѣ.

Въ качествѣ кардинала и епископа Перуджей, папа рѣдко посѣщалъ родныя мѣста. Та комната, въ которой онъ спалъ, также снабжена латинской надписью. Изъ оконъ спальни видны лишь дикіе отроги горъ, часто покрытые снѣгомъ.

Въ юности узокъ былъ его кругозоръ—физическій и умственный. Въ его домѣ бывали исключительно монахи и священники, и епископъ Ананій, которому подчиненъ былъ и приходъ Карпинетто, казался ему величайшимъ человѣкомъ. Для матери и отца его было сладкою мечтою увидѣть своего сына въ митрѣ. Впрочемъ, въ той мѣстности, гдѣ родился и жилъ папа Левъ XIII, религіозный духъ такъ силенъ, что едва-ли какая-нибудь мать, снаряжая сына въ духовную семинарію, въ Ананіи, и надѣвая ему школьный ранецъ, не шепчетъ украдкой: „ужъ, мой-то добьется жезла!“



«Вѣчный городъ».

„Nij Majesty's Theatre“ (королевскій театръ въ Лондонѣ) открылся въ двадцатыхъ числахъ сентября пьесой, которая несомнѣнно составитъ „гвоздь“ сезона. Называется она „Вѣчный городъ“. На сценѣ изображенъ Римъ и, въ частности, Ватиканъ съ такими подробностями, что, кажется, полезнѣе сходить въ театръ, чѣмъ потратиться на поѣздку въ столицу папы. Режиссеръ театра Бирхомъ Три,—изумилъ публику не только роскошью обстановки, но и удивительной несообразностью самой пьесы; впрочемъ, послѣднее нисколько не вредитъ сборамъ.

Первое дѣйствіе переноситъ зрителя въ пріемный залъ итальянскаго премьеръ-министра; толпа дипломатовъ, блестящихъ сановниковъ и великосвѣтскихъ

дамъ. Раутъ совпадаетъ съ однимъ изъ юбилеевъ папы. Домъ перваго министра недалеко отъ собора Петра и Павла; юбилейная процессія проходитъ мимо. Какъ въ „Тангейзерѣ“ хоръ странниковъ, такъ и тутъ, сначала слабыми отголосками, потомъ все громче и явственнѣе звучитъ гимнъ паломниковъ. Слышатся оглушительные клики народа „Evviva!“ Гости министра бросаются къ окнамъ, на балконы, и залъ пустѣетъ; въ немъ остается лишь одинъ господинъ, безстрастный на видъ и представительной наружности... это м-ръ Три, играющій барона Бонелли—итальянскаго премьера. Но этого мало. Сквозь открытыя двери балкона къ зрителю доносится пламенная рѣчь радикальнаго депутата Росси; онъ говоритъ къ народу; является кавалерія и разгоняетъ сходку. Но ораторъ успѣлъ уже доложить слушателямъ разныя нехорошія вещи о доннѣ Ромѣ Болоньѣ, сожительницѣ барона Боннели. Оскорбленная римлянка клянется отомстить обидчику, но... вмѣсто мести, влюбляется въ радикала (см. „Федру“ Сарду). Оказывается, донна знавала Росси еще въ дни оны, когда онъ странствовалъ по Лондону съ шарманкой и обезьяной. Подъ вліяніемъ такого трогательнаго воспоминанія, донна Рома сочетается съ депутатомъ тайнымъ бракомъ. Тутъ обнаруживается второй трагическій мотивъ (см. „La Tosca“), Рома Болонья предаетъ мужа, чтобы спасти его. Но самая драма не отвлекаетъ зрителя отъ обстановочной части: передъ нимъ и Колизей, и ватиканскіе сады, и карабинеры, берущіе приступомъ баррикады — словомъ, всего помногу, „коль нѣтъ обмана“.

Еще актъ и на сценѣ самъ папа, принимающій очень дѣятельное участіе въ драматической интригѣ. Маститый старецъ (онъ выведенъ въ пьесѣ подъ именемъ Пія X), олицетворенъ Брэндонъ Томасомъ, авторомъ пресловутой „Тетки Чарлэй“. Гримъ его очень удаченъ и производитъ иллюзію. Дѣйствіе принимаетъ совершенно фантастическій характеръ: Бонелли появляется въ садахъ Ватикана и здѣсь ведетъ бесѣду съ Піемъ X; настаиваетъ на томъ, чтобы папа повліялъ на Рому Болонью, которой извѣстна тайна Росси: семнадцать лѣтъ назадъ, послѣдній былъ изгнанъ изъ Италіи за политическія преступленія; тогда онъ назывался Давидъ Леоне. Если Болонья выдастъ мужа, онъ будетъ просто изгнанъ; въ противномъ случаѣ, онъ подвергнется обвиненію въ заговорѣ противъ короля, и будетъ казненъ (хотя въ Италіи смертная казнь отмѣнена). На случай отказа папы, Бонелли не забываетъ пригрозить ему тѣмъ, что онъ, папа, такъ же участвуетъ въ заговорѣ Росси (!?). Потомъ оказывается, что Росси—сынъ папы, прижитый имъ въ законномъ бракѣ еще до монашества. Слѣдуетъ министерскій кризисъ, нѣсколько обмороковъ и покушеніе на самоубійство. Росси, въ концѣ-концовъ, самъ получаетъ портретъ премьера, и свою Рому, на время отнятую у него злыми людьми.

Таковъ сюжетъ нелѣпой мелодрамы, для которой Масканьи написалъ антракты. Принадлежитъ она перу Голля Кайна, очень талантливаго поэта. На этотъ разъ, видно, сверхъ-вдохновеніе осѣнило его; лондонцы, впрочемъ, довольны и музыкой, и свѣтовыми эффектами. А когда публика довольна, автору не о чемъ скорбѣть.



Лунатики.

Едва-ли кто-нибудь изъ насъ не видѣлъ такихъ сновидѣній, которыя бы заставили его плакать или смѣяться. Сновидѣнія бываютъ порою такъ явственны и полны движенія, что мы смѣемся и плачемъ вслухъ или громко стонемъ. Иногда привидится, будто идешь куда-то или занятъ работой. Но конечно, у нормальныхъ людей эти дѣйствія не выходятъ изъ сферы воображенія. Напротивъ, у нездоровыхъ субъектовъ они переступаютъ границу мыслимаго и пріобрѣтаютъ активность. Такія лица встаютъ съ постели, бродятъ по комнатѣ, даже работаютъ — и потомъ снова ложатся въ постель, и утромъ не помнятъ, какъ провели они ночь. Одинъ бреславльскій врачъ наблюдалъ своего одиннадцатилѣтняго сына, который въ лунныя ночи громко разговаривалъ, вставалъ съ кровати, шелъ къ окну, осторожно минуя умышленно поставленные на пути предметы, открывалъ его, выглядывалъ изъ окна и, въ концѣ-концовъ, возвращался въ постель. Никогда онъ не отдавалъ себѣ по утру отчета въ томъ, что дѣлалъ ночью.

Подобныя ненормальныя явленія называютъ въ медицинѣ сомнамбулизмомъ (отъ латинскаго „somnus“—сонъ и „ambulare“—гулять), а въ разговорной рѣчи—лунатизмомъ, такъ какъ замѣчено вліяніе луннаго свѣта на состояніе сомнамбула. Очевидно, лучи, падая на глаза спящаго, какъ впрочемъ и всякій другой яркій свѣтъ, вызываютъ въ его фантазіи совершенно особенныя представленія, и создаютъ рѣзко выраженное настроеніе, которое, впрочемъ, немыслимо безъ извѣстнаго предрасположенія субъекта: напримѣръ, въ случаѣ усиленной нервности, склонности къ эпилепсіи и пр.

Наиболѣе поразительнымъ въ явленіяхъ сомнамбулизма—необыкновенная увѣренность, съ которой лунатикъ выполняетъ самыя сложныя порою дѣйствія. Напряженіе всей мускульной системы и утонченное наблюденіе равновѣсія, повидимому, зависитъ отъ того, что вниманіе лунатика сосредоточивается исключительно на его физическихъ актахъ, и ничто иное—страхъ, забота, головокруженіе, боль — не отвлекаютъ этого вниманія. Не сознавая опасности, лунатикъ уподобляется неразумному ребенку. Пробужденіе проясняетъ его разсудокъ, и реакція наступаетъ почти мгновенно; вотъ почему неосторожное пробужденіе чрезвычайно опасно и легко можетъ повести къ несчастнымъ послѣдствіямъ. Если положить доску на полу, то, конечно, каждый изъ насъ легко и увѣренно пройдетъ по ней. Но поднимемъ эту же доску на футъ отъ земли, и движеніе по ней покажется многимъ затруднительнымъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, оно осталось такимъ же, какъ и раньше. Еще на футъ—еще опаснѣе и т. д. Именно потому, что вниманіе идущаго отвлекается въ сторону, и онъ не можетъ сосредоточиться на соблюденіи равновѣсія.

Но не однѣ физическія трудности превозмогаетъ лунатикъ. Есть примѣры того, какъ въ состояніи сна рѣшались трудныя задачи или, по крайней мѣрѣ, назрѣвало ихъ рѣшеніе настолько, что утромъ ужъ рѣшеніе подвертывалось само. Одному адвокату былъ предложенъ очень сложный юридическій казусъ, и онъ тщетно ломалъ голову, въ поискахъ удовлетворительнаго исхода. Ночью жена адвоката увидѣла, что мужъ всталъ и подошелъ къ письменному столу; сѣвъ за него, онъ долго чѣмъ-то занимался; потомъ опять легъ. Утромъ она услышала отъ мужа, что во снѣ ему пришла превосходная мысль, ярко освѣтившая все дѣло; но, къ сожалѣнію, проснувшись, онъ не могъ ея возстановить въ памяти. Какъ велико было изумленіе адвоката, когда жена подвела его къ столу и показала исписанные имъ же листы. Запись отличалась совершенной точностью и логичностью.

Какъ уже сказано, источникъ сомнамбулическихъ заболѣваній: чрезмѣрная нервность и склонность къ эпилепсіи. Лучшими средствами противъ нихъ считаются: извѣстный режимъ—умѣренная и своевременная ѣда, и спанье при открытыхъ окнахъ (въ лунныя ночи—окна завѣшиваются темными сторами), на постели—не слишкомъ мягкой и не теплой, подъ шерстянымъ или бумажнымъ одѣяломъ; пуховики вредны. Лунатиковъ не слѣдуетъ оставлять въ спальнѣ однихъ; за ними надо постоянно присматривать. Физическій трудъ, гимнастика и холодныя обмыванія также входятъ въ систему лѣченія лунатиковъ.



Турецкая Ѳемида.

Одно юридическое общество въ Англіи командировало своего члена, м-ра Джемса Цилькинса, въ различныя государства континента, для изученія судебныхъ порядковъ. Цилькинсъ началъ свой объѣздъ съ Турціи. Свои наблюденія онъ изложилъ въ двухъ письмахъ. Приведемъ ихъ въ дословномъ переводѣ:

Первое письмо.

„Стамбулъ, въ іюлѣ 1902 г. (1280 г. Геджры).

На-дняхъ я присутствовалъ при разборѣ частно-уголовнаго дѣла кади четвертаго участка Стамбула. Защитникомъ обвиняемаго выступилъ ученый Имамъ Бокъ-эль-Бокъ. Толмачъ переводилъ содержаніе рѣчей.

Сначала молодой судейскій, сидѣвшій рядомъ съ кади, прочелъ жалобу. Кади взиралъ на присутствующихъ строго и торжественно; несомнѣнно, онъ обладалъ талантомъ представительности, несмотря на то, что занимаетъ одну изъ самыхъ низкихъ ступеней судейской іерархіи и состоитъ наименьшимъ кредиторомъ султанской казны.

Кади собрался говорить, но какъ разъ въ эту минуту защитникъ чихнулъ.

Кади. Господинъ Бокъ-эль-Бокъ, я запрещаю прерывать меня. Когда я говорю, вы обязаны молчать.

Защитникъ. Виноватъ, я только...

Кади. Молчать! Не отрицайте того, что я слышалъ своими ушами.

Защитникъ. Простите, вы ошибаетесь.

Кади. Я никогда не ошибаюсь.

Защитникъ. Я хотѣлъ лишь объяснить..

Кади. Вамъ не въ чемъ объясняться, когда васъ не спрашиваютъ. Я слишкомъ хорошо знакомъ съ порядкомъ процесса. Въ этомъ залѣ никто не смѣетъ мнѣ возражать. На основаніи моихъ полномочій, приговариваю васъ къ 50 піастрамъ штрафа.

Защитникъ. Но...

Кади. Къ 100 піастрамъ.

Позже одинъ турецкій адвокатъ мнѣ объяснилъ, что ничего нельзя подѣлать въ подобныхъ случаяхъ. Участковый кади—маленькій Аллахъ въ своемъ судѣ. Чисто турецкіе порядки!“

Второе письмо.

„Стамбулъ. Августъ 1902 г. Вчера я присутствовалъ при разборѣ дѣла участковымъ кади. Кучеръ обвинялъ кучера въ оскорбленіи. Со стороны обвиняемаго выступилъ хозяинъ его, высокопоставленный эфенди, въ качествѣ защитника и свидѣтеля защиты.

Когда жалоба была прочитана, кади приготовился сказать что-то.

Но эфенди прервалъ въ очень рѣзкомъ тонѣ: „Неправда! ничего подобнаго не было!“

(Ну, подумалъ я, плохо ему придется; строгій судья не потерпитъ вмѣшательства; онъ здѣсь всемогущъ, правила процеса знаетъ, и оштрафуетъ эфенди тысячью піастровъ).

Однако, кади привсталъ съ своего мѣста и любезно улыбнулся: „вы полагаете, эфенди, что дѣло происходило иначе?“

Эфенди. Конечно, иначе. Мой кучеръ—молодчина. Самъ великій визирь похвалилъ его. А этотъ — съ утра не сумѣетъ отличить арабскаго коня отъ бербера.

Кади. Слушаюсь, но вашъ кучеръ не отрицаетъ самаго факта оскорбленія.

Эфенди. Онъ былъ правъ, что не далъ спуску.

Кади (къ жалобщику). Не помиритесь ли?

Эфенди. Ну, нѣтъ. Жалобщикъ долженъ быть наказанъ.

Кади. Да, да, конечно, вы правы.

Позже, одинъ турецкій адвокатъ мнѣ объяснилъ, что кади, вѣроятно, изъ чрезмѣрнаго уваженія къ эфенди, пренебрегъ своимъ неограниченнымъ правомъ.

Чисто турецкіе порядки".

* * *

Англійскій юристъ покинулъ Турцію и продолжалъ объѣздъ другихъ странъ, направившись къ Сѣверу.



ЧТО МОЖНО СОБИРАТЬ.

Въ одномъ изъ домовъ близъ Place Malesherbes въ Парижѣ устроенъ музей-циркъ. Поль Жинисти (довольно извѣстный французскій журналистъ) нашелъ въ немъ цѣлую портретную галлерею: все „художники" цирковой арены; эскизы и снимки костюмовъ, коллекціи программъ и анонсовъ и т. п. Иные рисунки и гравюры принадлежатъ Шарлю Бернэ, Гримальду и Дебукуру. По стѣнамъ картины, изображающія знаменитыхъ борейторовъ и жокеевъ, во время скачекъ и упражненій. Въ шкафахъ—все мыслимое въ сферѣ цирка и спорта, и все очень цѣнное.

Въ другомъ музеѣ - царство палокъ. Начиная эпохой Карла Великаго, короля франковъ, „отъ Ромула до нашихъ дней"—тутъ всевозможные роды и виды палокъ. Есть образцы изъ слоновой кости и чернаго дерева—мода Людовика XIII; палки Кондо, Тюреля и маркиза де-Вилларъ. Въ XVIII вѣкѣ палки украшались вырѣзными гербами; а франты носили трости винтообразной формы. Исторія трости проходитъ предъ посѣтителемъ своеобразнаго музея наглядно. Есть отдѣлъ для палокъ съ сюрпризами, со свистками—для театра, съ табакерками и бомбоньерками; палки политическаго характера и музыкальныя.

Масэ, бывшій одно время начальникомъ сыскной полиціи въ Парижѣ, составилъ коллекцію писемъ преступниковъ: въ ней имѣются и раритеты, за подписями Тропмана, Колиньоне, Контрафато, m-me Лафержъ и другихъ прославившихся своими злодѣяніями убійцъ.

Въ кварталѣ Монсо есть аптека-музей: представлена аптекарская лавка XVI вѣка: вазы, склянки съ широкими горлышками, реторты, — баттарея кровопускательныхъ и желудко-промывательныхъ снарядовъ—собраніе полное и притомъ очень цѣнное и интересное. Тамъ же подобраны и каррикатуры соотвѣтственнаго содержанія: отъ знаменитаго Альмана 1673 года до новѣйшихъ каррикатуристовъ.

Есть, наконецъ, коллекціи солдатскихъ портретовъ, популярныхъ газетъ, замковъ и ключей, пуговицъ и запонокъ—словомъ, всего, чего только можетъ пожелать любитель рѣдкостей.

ОБРАЗЦОВЫЙ ДОМЪ ДЛЯ УМАЛИШЕННЫХЪ.

Извѣстный французскій психіатръ д-ръ Мари устроилъ невдалекѣ отъ Парижа пріютъ для душевнобольныхъ на совершенно новыхъ началахъ. Какъ извѣстно, въ огромномъ большинствѣ такихъ заведеній наилучшими средствами лѣченія считаются души, горячечныя рубахи и карцеръ. При подобномъ режимѣ затмевается тотъ слабый просвѣтъ, который еще сохранила душа больного. Больницы походятъ скорѣе на тюрьмы; сообразно тюремному типу и обращеніе съ больными. Д-ръ Мари, напротивъ, считаетъ необходимымъ условіемъ для успѣшности лѣченія такую обстановку, которая бы ничѣмъ не отличалась отъ нормальной. Ни рѣшетчатыхъ оконъ, ни высокихъ заборовъ, ни угрюмой стражи, склонной къ кулачной расправѣ,—ничего этого нельзя найти въ образцовомъ заведеніи. Веселый паркъ съ пестрыми клумбами цвѣтовъ, съ привѣтливыми аллеями, усыпанными пескомъ, предоставленъ въ полное распоряженіе больныхъ. Иные заняты ремеслами, иные искусствами. Въ той и другой области ненормальное воображеніе, конечно, даетъ себѣ волю, и выливается въ очень своеобразныхъ, хотя не лишенныхъ красоты, произведеніяхъ. Есть цѣлыя картины, нарисованныя паціентами д-ра Мари: на этихъ полотнахъ нетрудно встрѣтить пышно цвѣтущую яблоню среди суроваго зимняго пейзажа или страшные жанры во вкусѣ Эдгара По. Но работа развлекаетъ больныхъ и улучшаетъ ихъ психическое состояніе. Изъ больныхъ образованъ церковный и свѣтскій хоры. Есть и музей, наполненный различными предметами, которые въ представленіи душевнобольныхъ служатъ символомъ того или иного явленія. Изрѣдка устраиваются вечеринки, немного музыки декламаціи, свѣтовыхъ картинъ и пр.

Маленькая юмористика.

Жители Марселя давно стяжали славу изрядныхъ хвастуновъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы такіе образчики дружескихъ бесѣдъ.

„Представьте себѣ, недавно, въ отчаянную мятель, одинъ, безъ оружія, я встрѣтилъ трехъ волковъ". — Какой ужасъ! Ну и что же?—„Я посмотрѣлъ на нихъ пристально, заложилъ руки въ карманы и пошелъ, посвистывая прочь".—А волки не погнались за вами?—„Ну, нѣтъ. Вѣдь они сидѣли въ клѣткѣ"...

— Да, конечно, я имѣю подъемную машину въ домѣ—разсказывалъ NN.—но почти никогда не пользуюсь ей.—„Боитесь?"—Ничуть. Но я живу въ первомъ этажѣ.

Марсельскаго укротителя львовъ спросили: не ощущалъ-ли онъ страха, когда впервые вошелъ въ клѣтку ко львамъ. „О, да, конечно, мнѣ сказали, что у этихъ бѣдныхъ животныхъ водится множество блохъ".

Капистроль изъ Марселя выставилъ свою кандидатуру. Возвратясь съ одного собранія, онъ въ звучныхъ ругательствахъ выражаетъ свое неудовольствіе. „Это чортъ знаетъ, что такое. Залъ былъ такой крохотный, что я положительно не могъ развить своей программы".

Мѣстнаго художника спрашиваютъ, имѣла-ли успѣхъ его послѣдняя картина. „Увы, нѣтъ: очевидно, краски были дурны".

Одинъ марселецъ хвастался своимъ умѣньемъ имитировать животныхъ. „Я такъ, говорилъ онъ, артистически подражаю крику пѣтуха, что солнце восходитъ".

Вы взяли въ Марселѣ извозчика. Пока лошадка его плетется мелкой рысью, подвыпившій автомедолъ разскажетъ вамъ интересныя вещи.—„Видите-ли, сударь, такихъ извозчиковъ, какъ я, очень мало. Я вѣдь въ Марселѣ знаю каждую улицу, каждый переулокъ, любой бульваръ, каждый фонарь"... Сильный толчекъ. Кучеръ летитъ съ козелъ, но успѣваетъ добродушно замѣтить: „вотъ этотъ напримѣръ".

Въ одномъ городѣ южной Франціи происходитъ выборная агитація. Одинъ изъ ораторовъ расписываетъ въ яркихъ краскахъ все то, что сдѣлано имъ въ интересахъ мѣстныхъ жителей. — „Это сказки!"—Прерываетъ его чье-то воинственное восклицаніе: „а вы скажите, приходилось-ли вамъ сражаться съ быкомъ на аренѣ?" Пауза.—„Ну, да, на аренѣ со шпагой въ рукахъ?"—Кандидатъ долженъ быть ко всему подготовленъ; онъ выхватываетъ карточку изъ кармана. „Вотъ доказательство того, что я былъ тореадоромъ!" Трудно описать восторгъ присутствующихъ. Всѣ голоса за него. А программою его никто больше не интересуется.

О Викторѣ Гюго разсказываютъ, что во дни Уэльскаго королевства, онъ былъ приглашенъ герцогомъ Орлеанскимъ къ обѣду. Еще мальчикомъ, поэтъ получилъ орденъ Почетнаго Легіона отъ Карла X за посвященную ему кантату; поэтому онъ отвѣтилъ на приглашеніе такъ: „сожалѣю, что не могу обѣдать у герцога Орлеанскаго, имѣя на себѣ орденъ, пожалованный мнѣ Карломъ X". Въ тотъ же день герцогъ прислалъ Гюго офицерскій знакъ Почетнаго Легіона.

Знаменитый художникъ Дюранъ въ старости нерѣдко вспоминалъ, о тѣхъ тяжкихъ испытаніяхъ, которыя ему пришлось вынести, когда еще никто не хотѣлъ вѣрить въ его талантъ и картины его не находили сбыта. „Каждая неудача обходилась мнѣ не дешево, по счастью у меня была утѣшительница".—Ну, конечно...—„О нѣтъ, то была лишь старуха, жена швейцара; она любила меня очень и всегда матерински утѣшала", „дорогой мой, г. Дюранъ, стоитъ-ли падать духомъ изъ-за какой-то неудачи, мнѣ еще и не то приходилось испытывать".—Позвольте, почтеннѣйшая, вѣдь вы не собирались выставлять своей метлы?—„Да, но о ней тоже не хотѣли сначала знать".—Конечно. Но все же это то, да не то. Живопись...—„Я знаю живопись, надо родиться живописцемъ, но развѣ вы думаете, г. Дюранъ, что хорошимъ портье можетъ быть всякій?"

Въ вагонномъ купе возсѣдаютъ два господина. „Виноватъ, спрашиваетъ одинъ изъ нихъ, который часъ".—Не знаю.—„Но вы хотѣли, кажется, вынуть часы изъ кармана".—Нѣтъ, только удостовѣриться, что они еще въ карманѣ.

Замѣчено, что двое людей, не переносящихъ другъ друга, могутъ имѣть общаго пріятеля. Гамбетта и Рошфоръ были въ молодости очень дружны съ Альфонсомъ Додэ. Писатель въ эту пору ставилъ своего „Жана" въ театрѣ Одеонъ. Зима была въ томъ году суровая, и зрительный залъ пустовалъ. Какъ-то разъ Рошфоръ высмѣивалъ Гамбетту. — Его роль сыграна. Прошло время, когда онъ могъ родить легіоны своимъ длиннымъ языкомъ. Теперь только одинъ человѣкъ можетъ собрать на улицахъ шестьдесятъ тысячъ войска, и вести ихъ куда захочетъ. — „И этотъ одинъ?"—Я.—„Чортъ возьми, не можете ли вы по дружбѣ привести ихъ мнѣ въ „Одеонъ"?

— Зачѣмъ вы носите пенснэ, пристаетъ французскій офицеръ къ новобранцу.—Я близорукъ.—„Такъ что же мнѣ напялить? Мнѣ, вашему начальству? Телескопъ, что-ли!"

Къ македонскому движенію. — Вардарскій мостъ у Ускюба.

Къ македонскому движенію. — Албанцы обсуждаютъ планъ нападенія.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппъръ.